

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2013

[Рассказ написан на конкурс «Креатив 14» или «Война и мир»](#)

Точка невозврата

Море было спокойным и плоским, как лист блестящей фольги. Военный транспорт скользил по нему, поднимая небольшую волну. На его открытой палубе расположились матросы. После долгого перехода из Владивостока люди приуныли, прогрелись на солнце и чувствовали себя как на сковородке. Натан Зиновьевич Харещ, бывший телеграфный кондуктор, устроился в углу, как можно дальше от потных, разгоряченных предчувствием боя тел. В руках он держал книгу, хотя от волнения не мог читать и только раз за разом пересматривал первые абзацы.

— Чего читаешь? — спросил грубый голос.

Натан поднял голову и встретился взглядом с подошедшим соседом — огромным, массивным мужчиной, будто сошедшим с агитплаката, на котором сидел, обнимая пушку, за карикатурно-маленькими стенами Владивостока и кривил губы в лукавой улыбке. Несмотря на идущие по всей стране ликбезы грамотные люди среди простых моряков были редкостью.

Натан повертел в руках книгу. На зеленом потрепанном переплете было оттиснуто: «Эффект Фреголи». Не успел Натан ответить на вопрос бородатого великана, как слово взял агитатор:

— Ну что, братки, приуныли? — прокричал тот с деланным энтузиазмом. — Спрашиваю, прожарились, братки, на азиатском солнышке?

Пассажиры ответили нестройным, унылым мычанием.

— Скоро, богатыри русские, будет вам возможность проявить удаль! — мужчина указал на приближающийся берег. — Видите ту гавань, братки, видите город? Это, голубчики, Порт-Артур. Единственный, едрить его, русский незамерзающий порт.

Натан отвернулся и прикрыл уши. От криков оратора у него разболелась голова, а содержание пропагандистской речевки он и так знал наизусть.

...Весной девятьсот шестого года двоюродный брат императора, принц Никки решил почтить визитом загадочную страну Ямато. Кутила и пройдоха, он вместо посещения храмов и музеев пошел по публичным домам, сделал себе на мягком месте наколку дракона и прокатился по ночному Токио. Не то повздорил, с кем не следовало, не то приставал к приличным женщинам, результат один — не узнав высокого гостя, японский городской зарубил цесаревича.

«Допрыгался, брат Романов», — шутили столичные интеллектуалы.

К войне это, конечно, сразу не привело, но и без того напряженные отношения между империями были разорваны, а год спустя японские боевые корабли без предупреждения атаковали гавань Порт-Артура...

— В море, говорю, япошек! — надрывался агитатор. — В море макак косоглазых!

Громкая речь разбудила сидящего напротив Натана мужчину. Он был одет в потрепанную светло-синюю униформу со споротыми знаками различия и белую фуражку с длинным козырьком и большой, как тарелка, кокардой. Такую форму во время второй гражданской войны в Америке носили сторонники Соединенных Штатов. После поражения сине-белые рассыпались по всему миру, кондотьерами и наемниками оказались во всех, как они это называли, ragtag-армиях: от южноамериканских герилья до русских штрафников.

— To hell with it, — американец сплюнул за борт. — Let's just blow those freaking japs out of the water.

Рыжий матрос приподнял голову и сонно, с южным акцентом спросил:

— Що там немчура бормоче?

— То не немчура, — отозвался бородач, проявивший интерес к книге Натана.

Малоросс только отмахнулся и повторил:

— Бормоче що?

— Ебошь, говорит, ускоглазых, — ухмыльнулся великан, — ебошь их за Царя-батюшку и Русь-матушку.

Десант ответил дружным радостным гулом. Государь пользовался у них непререкаемым авторитетом. Кто-то достал мутную, помятую фотографию царя, и она тотчас пошла по кругу следом за папиросой.

Моряки крестились перед фотокарточкой, как перед иконой, целовали ее и возводили очи горе.

— Ты английский понимаешь? — спросил Натан у любопытного соседа-великана.

— Аглицкий? А чего его понимать? — удивился гигант. — Яснее ясного, про что эта рожа басурманская толковала.

Агитатор вытащил из толпы какого-то парня, сунул ему гармошку и приказал играть.

— Песню! Запеевай!

— Поси-и-и-идим у моря, — затянули моряки, — по-о-д-ж-ем погоды!

— Fuck that, — пробурчал американец, надвинул на глаза длинный козырек и захрапел.

Натан позавидовал его выдержке. Шутка ли — спать перед высадкой?..

Он отложил книгу, приподнялся и заглянул за высокий борт корабля. Берег стремительно приближался, можно было разглядеть суетящихся японцев: они спешно перетаскивали колючую проволоку, заправляли пулеметы и готовились встречать незваных гостей.

Внезапно раздался протяжный свист, и море прямо перед транспортом вздыбилось, фонтаном взметнулось к безоблачному небу. Судно подбросило, и Натан едва не вылетел за борт, но сильная рука схватила его за ремень, и затащила обратно.

— Проснулись, наконец-то, ускоглазые, — бородач оскалился в хищной улыбке. — Сейчас начнется!

— Спасибо, — поблагодарил бывший телеграфный кондуктор, и смущенно добавил, — меня зовут Натан.

— Михаил, — великан сунул ему громадную, как сковорода, ладонь.
— Не поминай лихом, если что.

— Договорились.

Под разрывы береговых орудий, петляя между пенных фонтанов, транспорт упорно прорывался к земле. Зазвенела труба, заиграла сигнал к высадке. Солдаты, крича и ругаясь, поднялись, подгоняемые офицерами построились и заняли место возле откидного борта. Натан стиснул в дрожащих руках винтовку. Он совершенно не боялся смерти, но общее волнение и оживление передались ему, как электрический ток по проводу.

— Як м'ясо, як бидло, — выругался стоящий рядом малоросс. — Прямесенько на кляті кулемети!

В этот момент десантный корабль с оглушительным грохотом и протяжным металлическим стоном ударился о берег. Люди закричали, едва не попадали, хватаясь за перила на бортах, и друг за друга.

— Пошел, пошел, пошел!!!

Натан первым спрыгнул на берег и тут же провалился по колено в рыхлую грязь. Перекрикивая оглушительный грохот пулеметов, живая волна вываливалась из подходящих транспортов. Натан быстро огляделся, он знал, что рядом с каждым десантным кораблем должен был следовать грузовой корабль с «вездеходкой». Оказалось, тот уже прибыл — экипаж суетился вокруг выбросившегося на берег железного кита и тщетно пытался открыть заклинивший люк. Игнорируя вопли толпящихся рядом

штрафников и неразборчивые приказы, Натан побежал на помощь к инженерам.

— Не так! Отойди! — он отпихнул молоденького лейтенанта, изо всех сил размахнулся и сбил застрявшую скобу.

Люк с грохотом распахнулся и оттуда, рыча и грохоча, тотчас выкатилась разогретая «вездеходка». Натан и другие солдаты поспешили спрятаться за ее округлым, надежным корпусом. Кто-то вслух вознес мольбу гению конструктора Пороховщикова, по проекту которого была создана чудо-машина.

Казалось, что десанту сопутствует успех и они смогут без больших потерь занять берег, когда к обороне подключилась до того направленная на Порт-Артур японская осадная артиллерия. Обстрел продолжался не больше получаса, но для всех высадившихся моряков каждая минута растянулась в бесконечность. Артиллерия монотонно долбила, методично утрамбовывала людей в плоскую песчаную сковородку.

Наконец, из-за уходящего в море длинного каменистого мыса неторопливо показался профиль идущего первым в колонне флагмана «Князь Суворов».

— Броненосцы! — заорал кто-то диким, истеричным голосом. — Первая эскадра с нами!!

Оказавшиеся под обстрелом орудий броненосцев японцы быстро поняли безнадежность своего положения, встали в полный рост и пошли в отчаянную контратаку, надеясь опрокинуть высадившихся моряков в море. Крики «банзай» и «ура» слились в оглушительную, кипучую интернациональную какофонию.

К вечеру сражение закончилось. Отброшенные вглубь полуострова японцы оказались зажаты между десантом, стенами Порт-Артура и подходящей с севера победоносной армией генерала Куропаткина. Никто не ждал, что самураи сдадутся, поэтому их просто оставили в окружении: зализывать раны и потрясать в сторону крепости кулаками.

Уцелевшие штрафники праздновали второе рождение: все понимали, что первая волна высадки была отвлекающим маневром на фоне свирепствовавшего по другую сторону полуострова морского сражения, и только благодаря невероятному везению они не погибли под огнем пулеметов, дожидаясь победы русской эскадры. Транспорт, на котором прибыл Натан, прозвали «Счастливым», потому что ни один человек с него не был ранен или убит. Все сошлись во мнении, что повезло им благодаря расторопности Натана, который выпустил на волю «вездеходку».

— Поди, инженером был до разжалования? — предположил Михаил.

— Телеграфным кондуктором, — Натан не стал вдаваться в подробности.

— Ось, хлопці, тримайте, — рябой малоросс протянул сидящим товарищам пачку папирос, — як та клята війна скінчиться, завітайте до Чернігіва, я вас пригощу як слід. А звати мене Остап Ковальській.

— Мишка Кузнецов.

— Натан Хареш.

— Bill Smith, — буркнул кондотьер и принял папиросу.

— Просто второй интернационал какой-то, — резюмировал бородатый гигант Михаил.

— Фу, ты що, комуняка? — встрепенулся Остап.

— Типун тебе.

Все дружно засмеялись, в том числе не понявший ни слова американец. Натан прищурился, рассматривая массивную фигуру Михаила, что-то было в нем подозрительное, выбивающееся из образа простодушного русского медведя-богатыря.

— Тебя по какой статье в матросы разжаловали? — осторожно спросил Натан.

— Я у тебя и хохла такого не спрашивал, — хмыкнул великан. — Хотя по вам и так все ясно. О, гляди-ка, «покупатели» идут.

«Покупателями» в штрафных ротах называли офицеров, которые вопреки уставу без высочайшего соизволения набирали на вакантные места разжалованных офицеров. Случалось такое только на линии фронта и в крайних случаях. «Покупателей» ждали со смесью надежды и страха: надежды на ранее избавление от позорного статуса и страха за то, что после придется вернуться в родную штрафную роту и ждать помилования высочайшим указом. Впрочем, сегодня чудес не ожидалось: на смотрины пришел капитан второго ранга в потертой форме, с высоким лбом и неаккуратными кисточками усов. Рядом с ним, как рыба-прилипала, суетился молодой мичман.

— То Григорій Палович Беляев с «Корейця», — шепнул Остап, — чув що добрячу їм прочуханку косоглазі дали.

«Кореец» был канонерской лодкой, которая вместе с бронепалубным крейсером «Варягом» прорвалась через блокаду порта Чемульпо, чтобы присоединиться к подходящей тихоокеанской эскадре. Поредевшему экипажу требовалась замена, а брать ее было неоткуда: разве что попытаться счастья и поискать среди разжалованных в матросы штрафников.

— Вы со «Счастливого»? — спросил капитан у выстроившихся в шеренге людей.

— Так точно! — хором отозвались товарищи по счастью.

Каждого попросили представиться и сказать бывшее звание. Михаил оказался лейтенантом, Остап мичманом, а американец Билл во время гражданской войны и вовсе был капитаном речного монитора.

— За что? — коротко спросил капитан, остановившись перед Мишей.

— Политическая, — великан улыбнулся.

«Покупатель» пренебрежительно махнул рукой. Все знали, что по политической статье часто разжаловали талантливых офицеров.

— Ты?

Натан на мгновение задумался, но все же решился:

— За то, что японский знаю.

— Серьезно, что ли?

— Yakumo tatsu Izumo yaegaki, — продекламировал Натан, — tsumagomi ni.

— Телеграфный кондуктор, на японском шпарит, и разжаловали, — зашептал на ухо капитану мичман-прилипала, — ваша светлость, я бы поостерегся...

— За что? — еще раз строго повторил капитан «Корейца».

— До войны состоял при посольстве в Токио, — нехотя признал Натан, — проходил по делу полковника Акаси.

Кустистые брови Григория Павловича изумленно поползли вверх, а стоящий рядом Михаил от неожиданности отступил на шаг назад. «Дело полковника Акаси» год назад потрясло Петроград и стало самым громким шпионским скандалом в новейшей истории. По подозрению в государственной измене был арестован весь штат российского посольства, чрезвычайный посол заболтался на пеньковой веревке, высшие чины отправились по этапу на Магадан, а низшим, против которых обвинений никто толком не составлял, предложили выбор: Сибирь или смыть с себя позор потом и кровью на передовой.

— Виноват или под раздачу попал? — сурово спросил Беляев.

— Под раздачу, ваша светлость.

Капитан нахмурился, по высокому лбу пролегли две глубокие морщины.

— Всех беру, — после долгого молчания сообщил он, — всех со «Счастливого».

— Ваша светлость! — взмолился мичман.

— А ты, Соколов, думал, счастье вот так, без риска дается? — хохотнул Григорий Павлович. — Собирайте свои пожитки, счастливики. Кончились ваши хождения по мукам.

Люди облегченно вздохнули, сдерживая готовую вырваться истеричным весельем радость. Михаил от души хлопнул Натана по плечу, едва не повалив его на землю.

— А ты меня удивил, Таныч! — гигант расхохотался. — Что сказать, удачу приносишь! Теперь на «Корейце» будем кофий попивать, а другие пусть япошек из этой, Боже прости, жопы выкуривают.

Он расхохотался и адресовал непристойный жест скрытой за пологими сопками неприятельской армии.

Не успели моряки отпраздновать победу под Порт-Артуром, как эскадра снялась с якоря и пошла на юг — встретить снявшуюся с осады Владивостока японскую эскадру в Цусимском проливе и навязать ей генеральное сражение. На бумаге план выглядел привлекательно: благодаря прорыву «Варяга» у русских было превосходство в огневой мощи, и исход сражения зависел от артиллерийского боя между эскадренными броненосцами.

Чтобы объяснить детали предстоящего боя, новичков собрали в кают-компании. Совещание вел тот самый мичман-прилипала по фамилии Соколов, молодой и очень взволнованный обществом бывших штрафников. Новички внимательно слушали, в углу каюты скучал Билл, который на русском ясно изъяснялся исключительно матерной речью и теперь служил на «Корейце» чем-то вроде талисмана.

— Но есть, голубчики, одна новая штука, — продолжил мичман, после того, как показал отмеченные красными стрелками предположительные передвижения противника. — Посмотрите-ка на это страшилище.

На плакате была изображена в разрезе странная машина, отдаленно напоминающая «вездеходку» Пороховщикова, только без гусениц, с нелепым выдвижным перископом и огромным, чуть ли не больше по диаметру, чем сам корпус, сдвоенным винтом.

— Кто мне, голубчики, скажет, что это такое? — спросил Соколов.

— Submarine, — мгновенно встрял американец, — had those during the war. Fucking useless piece 'o shit, if 'u ask me.

— Нет, не субмарина.

— «Кайтэн», ваша светлость, — прочитал иероглифы Натан. — «Изменяющий судьбу», по-нашему.

— По-нашему это называется дуромина, — мрачно сообщил мичман. — Управляемая мина, «самодвижущееся торпедо»! Штука чертовски подлая и опасная, несет мощный заряд, который затопит даже «Князя Суворова». От обычной мины отличается тем, что внутри сидит макака японская. В смысле, человек-смертник, а не обезьяна, не подумайте.

Михаил смачно выругался. Натан осторожно поднял руку для вопроса:

— Должно быть, видимость из этой мины слабая. Как же она находит цель?

— В корень зришь — это их слабое место. Чтобы осмотреться, дуромине нужно всплыть на высоту перископа, а горючего и времени у них мало. Поэтому задача нашего побитого «Корейца» и вспомогательных судов — вертеться перед флагманом и другими броненосцами, чтобы путать дуромину и служить...

— Прокладкой служить! — не выдержал Михаил. — Приманкой и смертниками!

— Тікали від диму, та у вогонь впали!

— What the hell?!

— Молчать! — прикрикнул мичман. — А вы голубчики как хотели? Может, в белоснежной форме на «Князь Суворов», может, парадом командовать в Кронштадте?

Он выдержал паузу, дождавшись полной тишины. Потом перевернул ватман на планшете. На обратной стороне листа был изображен странный японский корабль: бывший миноносец, изуродованный двумя грубо притороченным по бортам цилиндрами.

— What an ugly motherfucker, — не удержался Билл.

— Этот плод любви Буратино и черепахи Тортиллы был на скорую руку слеплен британцами, чтобы запускать макак в дуromинах. Всего таких уродцев в японской эскадре два, по ходовым качествам напоминают топор с поплавком. Пускать мины они будут, только уверившись наверняка, что есть шанс поразить броненосец. Поэтому наша задача не поймать дуromину, а сделать так, чтобы ее вообще не выпустили.

...После совещания моряки разошлись по своим постам, а в кают-компании остались только освободившиеся Натан и Михаил. Натан хотел посмотреть корабельную библиотеку на предмет копий отчетов Владивостокской эскадры: внешний вид нового японского миноносца натолкнул его на интересную идею. Но присутствие Михаила явно говорило о том, что сейчас должен был состояться разговор, который Натан предчувствовал с самого момента их знакомства.

— А ты, Таныч, все меня удивляешь. Полон сюрпризов, что твой ящик Пандоры. Такие люди как ты в наше время очень нужны.

— Кому нужны? — без энтузиазма спросил бывший офицер.

— Нам, — подмигнул Михаил, явно подразумевая одну из многочисленных революционных групп, — русскому народу!

— И чего вы, «русские люди», хотите? — устало вздохнул Натан Хареш. — Я вот, когда мы на катере плыли, видел, что матросов из народа все устраивает. Добрый царь...

— Добрый царь, говорят? Положим, Николай Александрович и был добрым царем, много пользы стране сделал. А сын его... тьфу — растереть и выкинуть! По его милости нас чуть в кровавую крошку под Порт-Артуром не перемололи. Штрафные роты! Надо ж было такое непотребство измыслить!

— Миша.

— Чего?

— Не прикидывайся, ты же можешь говорить нормально.

Великан посмотрел на него печальными, неожиданно грустными глазами.

— Могу, Таныч, могу... только так оно лучше. Безопаснее. Ты «Народную волю» читаешь?

— Приходилось, — уклончиво отозвался Натан.

— Послаблений хочется, Таныч, свободы, — вздохнул Миша. — Ты когда последний раз был в столице? Видел Петропавловскую?

Студенты захватили вход в Зимний, царь уехал в село, полиция бесчинствует...

— Как же тогда Зимний заняли?

— За нас треть Думы, — великан подмигнул, — и заграничные корреспонденты. Прикажут открыть огонь — фото будут во всех газетах Европы. Но полиция не дремлет, ты не думай. Вот недавно три девки в церковь без головных уборов и в брюках явились, кричали: «эмансипация — мракобесов прогони!». Тут же их в Кресты упрятали!

— Это, Миша, уже перебор.

— А то, что в Кресты их потом упрятали — не перебор?

— Это тоже перебор, — согласился Натан. — У нас вообще все в последнее время перебор, добром это не кончится. Народ все равно пойдет за царя...

— А ты хочешь, чтобы революцию низы делали? Может еще пролетариат и матросня? Э, нет, такого не будет, обожглись мы уже на Емельяне Пугачеве, второго не надо.

Михаил, произнося речь, расплылся все больше, его добродушное лицо покраснелось, глаза заблестели фанатичным огнем.

— Офицерство и интеллигенция должны повести студентов. Настоящая революция, это когда верхи — низам! Вот разобьем японцев, и на белом коне в Петроград! Я тебя там со всеми нашими познакомлю. Что скажешь, дружище?

Натан откинулся на спинку стула и запрокинул голову. Кровь бросилась ему в лицо. Он вспомнил волнующееся, шумящее море людей, высыпавших на площадь. Вспомнил эйфорию, переходящую в безумный

экстаз. Толпа была стихией, всесокрушающей, готовой резко сорваться и раздавить неосторожного человека, втоптать его в мостовую вместе с грязью и кровью...

— А скажу... — неторопливо протянул он. — Скажу... что вам русским, особенно в Петрограде, хорошо жить нельзя. Другие народы только от плохой жизни на стену лезут, а вы и от плохой, и от хорошей.

Миша открыл рот, чтобы возразить, но Натан еще не закончил:

— Чего вам надо? Вот скажи, чего вам еще надо? Газеты есть, партии есть, Дума есть. Полмира себе отхапали. Селитесь, плодитесь, работайте!!

Он почувствовал, что задыхается, и резко махнул рукой, идите, мол, вы все к Сатане. Михаил слушал, молча ссутулившись и вжав голову в плечи, как готовый к прыжку медведь-гризли.

— Жид, — после долгого молчания процедил он, — все-таки ты, Хареш, жид пархатый. «Другие народы»... Тьфу! Как будто не в России тебя, подлеца, выкормили и вырастили.

Великан поднялся, исподлобья посмотрел на Натана, развернулся и вышел.

...Ранним утром двадцать седьмого мая из Цусимского пролива пришла радиограмма: «враг в квадрате 203». Состоящий в дозорной цепи легкий крейсер «Орел» обнаружил колонну японских кораблей. Тихоокеанская эскадра, стоявшая на рейде у острова Чеджудо, тотчас

снялась с якоря и направилась к проливу — перехватить и уничтожить неприятеля.

В боевой рубке «Корейца» Натан помогал переводить перехваченные переговоры японцев. Разумеется, к новенькой радиостанции производства Кронштадтской мастерской его не подпускали — причуда капитана взять на борт фигуранта «дела Акаси» не заходила настолько далеко. Михаил рассказывал по палубе и пристально всматривался в темноту: японцы соблюдали светомаскировку, но он против воли надеялся разглядеть очертания вражеских кораблей.

— Началось!

Рассветные сумерки прорезали первые выстрелы.

— Рано, — оценил расстояние великан, приглядываясь к далеким разрывам, — там не меньше сорока кабельтовых.

Он не ошибся: «Не бросать зря снарядов!», — просигналил флагман.

Несмотря на то, что уже пробили боевую тревогу, снова началось мучительное ожидание. «Кореец» шел позади двух головных отрядов, которым предстояла первая встреча с врагом, к тому же повреждения канонерки, полученные при прорыве из Чемульпо, не оставляли надежды совершить подвиг. За короткую передышку в пути от Порта-Артура до Чеджудо успели восстановить только кормовое орудие, возле которого сейчас суетился Остап вместе с отданными под его команду матросами. Минуты тянулись медленно, светлеющий горизонт редко вспыхивал пробными залпами неприятельского огня. Только когда ночь окончательно отступила и все русские и японские суда стали видны как на ладони — сражение по-настоящему началось.

План адмирала Рожественского состоял в том, чтобы охватить голову колонны японцев и расстрелять ведущие корабли, смешав вражеский строй. В первые часы боя казалось, что русской эскадре повезло — два головных неприятельских крейсера охватило пламя, в то время как пущенные в ответ японские снаряды бессильно падали, не долетая до цели. Но противник на удивление быстро перестроился, разделил колонну на две части и принялся ожесточенно отбиваться — стало ясно, что японцы готовы к западне и будут драться изо всех сил. На кораблях страны Ямато подняли флажный сигнал: «Судьба империи зависит от этой битвы. Пусть каждый приложит все силы!».

— «Орел» под огнем. Сбита труба, поврежден механизм вертикальной наводки в главном калибре, — обслуживающий радиостанцию мичман Соколов нервничал, его руки заметно дрожали, — «Ретвизан» выходит из боя.

Печальные новости сменялись радостными:

— Пожар на «Асами» и «Ивате»! Два вражеских броненосца в огне!

— «Адмирал Нахимов», попадание торпеды!! — мичман схватился за голову.

— «Кайтэн»? — встревожено спросил Натан. — Дуромина?

— Вряд ли, они еще на плаву, — запинаясь, выговорил Соколов.

Сражение продолжалось. «Кореец» беспрепятственно продолжал маневрировать — японцы не тратили время и снаряды на обстрел поврежденной канонерки. Зловещих миноносцев с «кайтэнами» не было видно, должно быть, они шли в самом хвосте колонны. К середине дня над морем стал сгущаться туман, и бой немного притих. Казалось, что

сражение будет отложено, но тут мичман Соколов вздрогнул, побледнел и лишенным эмоций голосом ровно выговорил:

— Радиограмма с флагмана. «Князь Суворов» попал под обстрел, адмирал Рожественский ранен.

Натан выскочил из рубки и быстро поднялся на мостик канонерки, чтобы сообщить о случившемся. Григорий Павлович известию не удивился, и тут же указал на горящий флагман.

— Я так и думал, — вздохнул капитан Беляев, — на нем осколками сигнальные фалы разнесло. Теперь на радио вся надежда...

Одновременно с этими словами на «Суворове» прозвучал еще один взрыв, куда более сильный. Броневую рубку, и без того укрытую вмятинами от крупных осколков, заволочло дымом.

— Иисусе Христе! — не выдержал Беляев.

К счастью, окутанный растущим черным облаком «Князь Суворов» стал неудобной мишенью, и японские броненосцы выбрали себе другую цель. Григорий Павлович поднес к глазам бинокль, чтобы рассмотреть смутно различимый в седой дымке тумана броненосец «Микаса», где находился флаг японского флота. На его открытом мостике стояли в белоснежной парадной форме несколько человек, равнодушные к свистящим вокруг снарядам и осколкам. Когда стрельба по «Суворову» прекратилась, один из японцев — очевидно, неприятельский адмирал — обнажил свой кривой самурайский меч и салютовал раненному противнику.

— Все им, бесовому отродью, нипочем, — сквозь зубы процедил капитан Беляев. — А вот и наши знакомые подошли...

До того скрытые туманом, дымом и колонной японских кораблей, к сражению присоединились два уродливых корабля, несущие адские заряды, которыми японцы надеялись переломить ход войны.

Броненосцы продолжали артиллерийскую дуэль, канонерки и вспомогательные суда пытались блокировать вооруженные «кайтэнами» миноносцы, и враг этим пользовался, безнаказанно обстреливая маневрирующие русские корабли. К счастью, японцы, похоже, не воспринимали «Кореец» всерьез, поскольку огонь его единственной крупнокалиберной пушки был слабым и бессильным. Оставшись без командования, русская эскадра нарушила слаженный порядок действий, и тщательно спланированное сражение обратилось в бессмысленное кружение кораблей. Посреди шума и беспорядочного движения кто-то громко, отчаянно закричал:

— Дуромина пошла!

Все глаза устремились на миноносец, выдохнувший облако дыма и брызг. Белая полоса пролегла по воде от него в сторону русских броненосцев, потом управляемая торпеда скрылась под водой. Спустя несколько мучительно долгих минут раздался оглушительный грохот. Высокий серый силуэт броненосца вздрогнул, выпустил к небу длинную густую струю дыма и языка пламени.

— «Осляба»! — в ужасе крикнул Соколов. — «Осляба» погиб!

Взрыв был такой силы, что обитый листами брони корпус практически разворотило на две части, и корабль стал стремительно погружаться под воду.

— Чего встали?! — прорычал Григорий Павлович. — Идем на помощь!

Пока «Кореец» вместе с другими вспомогательными судами и канонерками спасал погибающий экипаж злосчастного броненосца, и без того потерявшее порядок сражение обернулось полнейшим хаосом. Корабли сходились все ближе и ближе, на такое расстояние, что видно было суесящихся японцев, а в редкие перерывах между канонадой ветер доносил их отрывистые крики:

— Shikari! Kasai ji no mama!!

— Та що ж це діється! — воскликнул Остап.

Весь бой он провел у кормовой пушки, его лицо стало черным от копоти, все звуки слились в протяжный, стоящий в ушах невыносимый звон. С такого расстояния даже двенадцатидюймовые снаряды могли пробить броню и нанести железному гиганту смертельную рану. Толстокожесть русских броненосцев обернулась недостатком, в то время как японцы на своих слабо защищенных, но быстрых и маневренных кораблях бросались в самоубийственные атаки. Стрельба не прекращалась даже с охваченных огнем наполовину затопленных судов страны Ямато.

— А вы чего встали?! — прикрикнул Остап на матросов чистейшим русским языком, с характерным московским выговором. — Шевелитесь, подавайте снаряды!! Я вас...

Его прервал пронзительный свист приближающегося снаряда. Корабль сотрясся от первого в этом бою попадания. С мостика Натан увидел, что разрывной снаряд пришелся прямо в кормовое орудие. Пушку разнесло в клочья вместе с артиллеристом и заряжающими. Не суждено было Остапу еще раз увидеть, как цветут вишни в родном Чернигове. Матросы бросились тушить охваченную пламенем палубу, занявшуюся вокруг искореженного орудия. «Корейцу» этим попаданием окончательно вырвали зубы, сделав канонерку беспомощной.

Собравшиеся на мостике капитан, штурман и артиллерийский квартирмейстер разразились потоком брани — пузатый японский миноносец с оставшимся «кайтеном» на борту был издевательски рядом...

— Мы у них на траверзе, — донесся до Натана обрывок разговора, — если наберем нужную скорость, можно попробовать пойти на таран!

— Не выйдет, — отрезал капитан, — из-за подобранных с «Ослябы» людей мы перегружены.

— Ваше благородие, разрешите обратиться! — решил Натан.

— А, «счастливчик», — Григорий Павлович невесело улыбнулся, — давай скорее, чего тебе?

— На «Корейце» есть абордажное оборудование: лестницы, крюки, — начал он, — если мы сможем подойти как можно ближе к вражескому миноносцу... Ход у него как у коммерческого транспорта, я читал рапорты канонерок Владивостокской эскадры, они легко захватывали такие суда. Из-за веса «кайтэнов» посадка у него почти как у речного монитора.

— Как только японцы поймут наш маневр, то тут же всадят дуromину нам в лоб или подорвутся, — вмешался штурман, — терять им все равно нечего.

— Не совсем так, ваше благородие. Они полагают, что превосходят численностью нашу команду почти вдвое. Вряд ли кто-то проследил за тем, сколько мы подобрали матросов с «Ослябы». Поэтому японцы будут сражаться до последнего, чтобы сохранить свой груз.

Капитан Беляев задумчиво кивнул, подозвал штурмана и оставшегося не у дел артиллерийского квартирмейстера. Несколько минут

они ожесточенно совещались, потом квартирмейстер убежал со спешным поручением в машинный отдел.

— Попробуем! — сказал Григорий Павлович. — У Чемульпо со смертью в орлянку сыграли, попытаем удачу и здесь.

— Разрешите участвовать в абордаже! — резко сказал Натан.

— Инициатива наказуема, так? — хохотнул повеселевший капитан.
— Разрешаю.

Разумеется, Михаил тоже присоединился к абордажной команде. В ближнем бою его громадная сила была незаменимым преимуществом. Когда он увидел Натана, то тут же помрачнел и недобро прищурился.

— Твоя идея? — спросил гигант.

Натан кивнул.

— Хорошая.

— Миша... ты прости меня, я со зла все сказал.

— Прощаю, Тан, — кивнул великан, — ты тоже зла не держи. Я вам, израилитам, крепко не завидую. Без своего угла по миру мыкаться! Когда наши к власти придут, сам увидишь...

— А кто эти «наши», Миша? Я уже запутался.

— Наши, — глубокомысленно протянул бородач, — это те, которые за нас.

— И не поспоришь, — Натан улыбнулся.

Они крепко обнялись. Михаил обнажил саблю, сжал в огромном кулаке рукоять и крикнул в сторону приближающегося неприятельского миноносца:

— Ну, что, подходите, суки ускоглазые!! Ужо я вас!!!

Оценив, что русские не собираются идти на таран, японцы вспомнили о них, только когда смогли разглядеть суету на борту приближающейся канонерки. Опомнившись, они открыли по «Корейцу» огонь из всего, что могло стрелять: ружей, пистолетов, двух бортовых орудий. Будь расстояние поменьше — они стали бы метать ножи и бутылки. Нестройная стрельба перепуганных японцев была почти безвредна, а через минуту «Кореец» ответил: громыхнул единым ружейным залпом и последующим щелканьем револьверов и пистолетов.

— Шлюпки на воду!!

Билл Смит, выделяющийся среди матросов в своей сине-белой униформе, рычал что-то неразборчивое, перемешивая русские и английские ругательства. Перспектива участвовать в абордаже явно его обрадовала — на речных мониторах такая тактика была не в новинку, и американцу не терпелось продемонстрировать свою удаль. Как только шлюпки коснулись воды, матросы изо всех сил заработали веслами. Тем временем с «Корейца» продолжали стрелять, отгоняя японцев от борта и не давая расстрелять уязвимую абордажную команду.

— Если все получится, то это будет первый в истории броненосец, взятый на абордаж, — сообщил Натан.

— Я бы это одоробло броненосцем не назвал, — пропыхтел, налегая на весло, Михаил.

— Приготовить крюки и лестницы!

Натан одним из первых перемахнул через борт на палубу. Оставшиеся защитники забаррикадировались в рубке и на нижних палубах, обстреливаясь через смотровые щели и открытые иллюминаторы. Подкошенный шальной пулей, повалился Билл, его яркая форма стремительно чернела от крови. Но как только начался ближний бой, низкорослые островитяне стали значительно уступать, несмотря на свою легендарную самурайскую выучку. Звенела сталь, раздавались редкие выстрелы, крики и ругательства.

Когда они ворвались в рубку, взору Натана предстала странная картина, на полу, рядом с погибшими в бою офицерами, скрестив ноги, сидел капитан миноносца. Его белый китель был расстегнут, в руке он сжимал короткий изогнутый клинок.

— Макаки чертовы, — проворчал Михаил.

В этот момент японский капитан истошно закричал, вскочил и нанес великану стремительный удар. Миша охнул, отступил на шаг назад и поднял руку, чтобы защититься. Острый как бритва клинок глубоко погрузился ему в руку. Японец размахнулся в третий раз, но нанести смертельный удар не смог: опомнившиеся матросы изрешетили его пулями.

— Как же тебя так! — укоризненно сказал Натан, помогая товарищу сделать грубую повязку, чтобы остановить кровотечение.

— Кто же знал, — возмутился Михаил, — да отойди ты, сам разберись!

— Оставшиеся японцы заблокированы на нижней палубе! — рапортовал вбежавший в рубку мичман.

— Они там котел перегреют, — оценил Михаил, — или еще чего похуже. Крушим тут все и уходим.

Натан осмотрелся. К счастью, растерявшийся экипаж не решился уничтожить дорогостоящую радиостанцию. Рядом с ней были установлены переговорные устройства для связи с нижними палубами корабля и машинным отделением.

— Погоди-ка, — Натан с трудом разобрал иероглифы и нашел нужную трубку.

— Kanchou desu, — обратился он к смертнику в «кайтэне», — ikaga desu ka?

Переговорное устройство исказило голос Натана, сгладив и без того не сильный акцент. Японец в ответ разразился потоком слов, выражая готовность умереть за Императора. Оказалось, что его «кайтэн» заклинило, но храбрый самурай сообщил, что сможет детонировать заряд в любой момент, изъяви капитан миноносца желание таранить врага.

— Что там? — спросил Михаил.

— Богам своим японским недомолился, — соврал Натан. — Вот что, ребята. Сейчас я с ним потолкую, прикажу стрельнуть вхолостую. Идите, я догоню.

— И не думай!

— А ну выведите его, — приказал Натан, — он же кровью сейчас истечет!

Михаил с неохотой подчинился, оставив друга в рубке вражеского корабля одного. Натан глубоко вздохнул. Решение нашлось очень быстро, он подошел к радиостанции и некоторое время разбирался с незнакомым

английским устройствам. Куда проще было вспомнить вдолбленные до посинения при службе в посольстве японские коды.

«Атака русских отбита, они бегут, — телеграфировал Натан, — имеем большие потери и неисправность пусковой установки “кайтэн”, просьба оказать помощь!»

Ответ пришел почти сразу: «Вас понял, ближайший к вам корабль — “Асахи”. Его экипаж окажет содействие».

— Жаль, не «Микаса», — пробормотал Натан.

Впрочем, «Асахи» был кораблем того же класса, что и неприятельский флагман. Он боялся, что японцы направят на помощь миноносцу какое-то вспомогательное судно, но вражеский адмирал явно торопился запустить оставшийся «кайтэн». Натан достал из кармана папиросу, последнюю из тех, что ему подарил покойный Остап, чиркнул спичкой. Другой рукой он прижимал к груди переговорное устройство, потому что боялся оставшихся в трюме японцев, которые могли освободиться и ворваться в рубку. Не выдержав затянувшегося ожидания, Натан все-таки подошел к смотровому окну, увидел приближающийся «Асахи» и шлюпки с «Корейца», в одной из которых окровавленный гигант Михаил вырывался из рук державших его матросов и что-то кричал. Скорее всего: «Прыгай, Тан! Прыгай!»

«Нет, не прыгну, — подумал Натан. — Потому что исход сражения еще не решен, потому что клеммы на “кайтэне” заклинило, потому что...»

Потому что каждую ночь, во сне он видел одну и ту же картину. Знакомую с детства улицу, мокрую от дождя, плачущую мать на крыльце дома и телеграмму у себя в руках. Короткую сухую сводку: «Ребекка Хареш, тридцать четыре года, Мила Хареш, пять лет, Владислав Хареш,

три года. Погибли во время давки на демонстрации в Петрограде, пятого апреля тысяча девятьсот двенадцатого года».

Вокруг бушевал бой, разрывались снаряды, тонули подбитые корабли, умирали и получали увечья люди, Натан молча курил и ждал, а где-то в его железном чреве миноносца, зажатый в капсулу смерти японец кричал и плакал, проклиная судьбу и умоляя богов дать ему возможность погибнуть с честью, вместе со своими товарищами.

Наконец, броненосец «Асахи» подошел совсем близко и сбавил ход. Натан понадеялся, что Григорий Павлович догадался отвести «Кореец» как можно дальше, а взрывом не заденет шлюпки. Впрочем, это было не столь важно.

— Ute! — скомандовал Натан, и отбросил трубку. — Подрывай, сволочь косоглазая.

Вспышка огня поглотила миноносец и оказавшийся рядом «Асахи». Когда она слилась с заходящим солнцем, Натан почувствовал экстаз самоубийцы, ценой своей жизни изменившего судьбу.

Позже в учебниках истории напишут: «после героической атаки экипажа канонерской лодки “Кореец” японская эскадра лишилась одного из трех уцелевших броненосцев первого класса. Действия противника утратили слаженность, а вернувшийся в строй адмирал Рожественский смог восстановить порядок в русской эскадре». Имя Натан Хареш в учебниках не будет упомянуто ни разу. Цензор Совета Переходного

Правительства решит, что в русской истории наблюдается явный избыток еврейских имен.

Не успели в Порт-Артуре отпраздновать победу, как из столицы пришли неожиданные известия. Поддерживаемая столичной молодежью оппозиционная фракция Думских депутатов смогла получить большинство в парламенте. И немедленно приняла решение «о выводе Отечества из захватнической, кровопролитной и несправедливой Азиатской войны».

...Из Порт-Артура уходили солдаты. Мрачные, голодные и злые. Они возвращались с войны, победу в которой у них отобрали. Не коварные враги, иностранные шпионы или происки мирового капитала. Отобрали собственные правители, озабоченные международным престижем, народ, слепо доверяющий газетам, которые полнились заголовками про зверства русских солдат над поверженным врагом. Отобрал царь, напуганный угрозой революции и подростки-студенты, которые хотели всеобщего счастья даром и без обид, и ненавидели своих родителей за то, что те окрасили четверть мира в цвета российского флага.

Русские солдаты уходили из Порт-Артура, чтобы никогда туда больше не вернуться.

Питерское небо было залеплено серыми тучами. Шел дождь. Очередь двигалась медленно, подергиваясь легкой рябью и извергая

матюки на каждом шагу. Мрачная процессия состояла из калек: одноногих, одноруких, с повязками на глазах и лицах. По улице неторопливо прогуливались студенты. Завидев ветеранов, они тотчас подскочили к ним и начали раздавать листовки одинакового содержания: «Наша страна – самая богатая в мире ресурсами и плодородной землей. У нас нефти в десять раз больше, чем во Франции и Англии, природного газа – в пятьдесят раз...».

Один из студентов попытался сунуть листовку огромному, почти два метра ростом, бородатому ветерану, но смутился, заметив, что у него нет правой руки.

— Спасибо, сынок. Мне не надо, — сказал ветеран.

— Так вы не хотите жить лучше, чем во Франции? — опомнился студент.

— Я думаю, нам всё среднее надо жить, — буркнул Миша. — По справедливости.

— Между прочим, для царизма вы — расходный ресурс.

Михаил равнодушно помахал культей, как бы говоря: «спасибо, сынок, без тебя никогда бы не догадался».

— А вы монархист? Осуждаете демократию? Может еще и черносотенец?

— Я, по-моему, все ясно сказал, — Миша нахмурился, — Иди-ка ты поздорову. Не мешай.

Юнец хотел еще что-то сказать, но товарищи оттащили его в сторону. Ветераны смотрели на них недоброжелательно, со смесью злобы и презрения. Но в драку никто не полез. Им хватило драки на войне.

...Часом позже, прижимая к груди пакет, Миша свернул с проспекта на знакомые с детства питерские улочки. Прошел мимо приземистых двухсотлетних домов, где жили писатели, поэты, музыканты, революционеры и проститутки. Прошелкал каблуками по выложенной мелким камнем мостовой, пропустил конку, пропустил трамвай, не удержался и перебежал дорогу перед редкой, ползущей как металлическая черепаха автомашиной.

Чем глубже он погружался в каменный лабиринт, чем ближе подбирался к его сердцевине, тем грязнее становились подворотни, а прохожие — угрюмее и злее. Сюда еще не добрались электричество и газопровод, а о том, что на дворе стоял двадцатый век, можно было понять только по ярким афишам на столбах и стенах.

Поблуждав немного, Миша, наконец-то, добрался до цели. Дом был ветхий, покосившийся, над крыльцом висела шестиконечная звезда Давида, рядом с которой ярко-зеленой краской было выведено «Бей жидов — спасай Россию!», а еще чуть поодаль «Свободу Пузе и Рае!».

Михаил постучал. Дверь открыла пожилая женщина в черном платке. Она взяла протянутое письмо, вскрыла его и прочитала, потом взвесила на ладони медаль. Сходство с ломбардщиком, прикидывающим вес и цену, было острым, неприятным. Но быстро исчезло, когда старуха нежно протерла бронзовую звезду белоснежным платочком и прижала к груди.

— Вы к нам надолго в Петроград? — спросила женщина.

Миша посмотрел на убитую горем мать, на шумящих детей, оставшихся без кормильцев, на убогие исцарапанные стены и заколоченные разбитые окна.

— Надолго, — сказал он, — может быть, даже останусь.